

VII

Итак, сочинения Нила Сорского, относящиеся к первой группе, указанной нами в начале статьи,⁹⁸ существенно отличаются от подобных сочинений его современников, предшественников и более поздних поколений церковных писателей.

Его «11 глав» представляют собой богословский трактат, отличающийся по стилю, внутренней последовательности изложения, более «толковому» привлечению обширной отеческой литературы и глубине психологических замечаний от сухих, чисто обрядовых русских монашеских «поучений» XV—XVI вв., а также от подобных произведений афонской «школы синайского исихазма», к которой Нил примкнул во время его пребывания на Святой Горе и на Ближнем Востоке.⁹⁹ Несмотря на обилие цитат из греческой монашеской литературы, трактат Нила представляет собой целое, совершенно оригинальное по изложению и проникновению в сущность данного предмета сочинение, которое говорит — к стати, как и его послания — о незаурядном литературном таланте, используемом, пожалуй, лишь в чисто «монашеских» целях.

«Предание учеником своим» является монастырским уставом для Нилова скита, уставом совершенно необыкновенного в тогдашней России типа. Это «духовное завещание основателя монастыря» нарочитой простоты. Оно принадлежит по своей форме к самым древним и неразвитым образцам игуменских монастырских уставов и этим резко отличается от более развитого, подробного, упорядочившего отдельные особенности монастырской жизни Устава Евфросина Псковского, первого известного нам создателя ктиторского монастырского устава, а также от Устава Иосифа Волоцкого, его знаменитого современника.

Завещание Нила пренебрегает всеми обычными на Руси формальными правилами для документов этого жанра и является опять же весьма простой письменной просьбой к братии позаботиться (вернее, не заботиться) о теле своего учителя и нескольких вещах, имеющих в его келье.

Сочинения Нила Сорского занимают совершенно особое место в современной ему письменности, даже в чисто церковной и монашеской. Они свидетельствуют о том, что Нил шел своим особым путем, следуя мировоззрению, довольно редкому в современном ему обществе, несмотря на многих приверженцев его направления.¹⁰⁰ Хотя Нил несомненно был незаурядной личностью, имевшей свой собственный, продуманный путь к реформе современного ему монашеского быта,¹⁰¹ эта личность никогда не

⁹⁸ См. выше, стр. 81.

⁹⁹ О своеобразии «исихазма» Нила в сравнении с его византийской современностью я говорила в свое время в докладе на XI международном съезде византинистов в Мюнхене в 1958 г., опубликованном в «Jahrbucher für Geschichte Osteuropas» (Bd. 6, N 5, München, 1958, стр. 436—448), в моей диссертации (печатается) будет сказано еще кое-что на эту тему

¹⁰⁰ Не останавливаясь здесь подробнее на этом вопросе, отметим, что и Вассиан Патрикеев, и «заволжские старцы» как общественная группа не были последователями Ниловых идей во всех отношениях

¹⁰¹ Хочу здесь указать лишь на то обстоятельство, что идеалом Нила было что-то вроде «возрождения» русского монашества путем возвращения к писаниям греческих «отцов» первых столетий. При этом он явно отрицал собственную русскую монашескую традицию, как она сложилась до XV в., включая «стяжания» монастырей, т. е. их феодальное землевладение, украшенные каменные церкви, торжественное церковное пение и т. д. Во всем он хотел вернуться к обычаям древних пустыльников Ближнего Востока (ведь само «жительство» в скиту было изобретено там!) В этом-то заключается его главное отличие от Иосифа Волоцкого и иосифлян. Иосиф опирался на русскую монашескую традицию, устную и записанную, например в Киевском патерике, его ученик Вассиан Фатеев составил «Волоколамский патерик» (см. В. О. Ключевский и Древне-